

Холодная зима, суровые морозы, наступил последний день года — тридцатое число двенадцатого лунного месяца.

Было три часа ночи, тьма стояла густая, словно чернила, но в родовом храме семьи Ван в Чанпине уже началось движение.

Тяжелая медная дверь издала скрип, будто была не в силах вынести бремя прожитых лет.

Следом Ван Ханьлинь осторожно отворил створки и, бережно держа в руках изящную позолоченную курильницу, переступил порог.

Войдя в храм, он сразу увидел своего отца, Ван Шоуе. Тот стоял перед алтарем с метелкой из перьев и бережно смахивал пыль с поминальной таблички младшего дяди, словно поглаживал самого брата. Глаза отца покраснели.

На широком и торжественном столе для подношений теснилось множество яств: фрукты, источающие густой аромат, изысканные пирожные, яркие цветы и причудливые свечи.

Однако среди всех даров особенно выделялась одна фарфоровая чаша. Она стояла там, словно произведение искусства.

Чаша была нежно-голубого цвета, теплая и гладкая на ощупь, как нефрит, и, казалось, отражала в себе всё вокруг.

Края чаши слегка расходились в стороны, линии были плавными и естественными, а округлые бока придавали ей вид устойчивый и солидный. Изящное донце служило надежной опорой.

Если присмотреться, на фарфоре можно было заметить тончайшие узоры: цветы, птицы, рыбы, насекомые, горные пейзажи и фигурки людей — всё выглядело настолько живым, что захватывало дух.

В чаше лежала маринованная чесночная закуска лаба, которая в слабом свете свечей отливала нежным сиянием, подобно нефриту.

Тем временем мать Ван Ханьлиня, Ли Юээ, в вышитом фартуке, карманы которого были полны красных фиников, хлопотала по храму. Каждый её шаг сопровождался тихим шорохом ткани.

В этот момент тишину нарушил громкий оклик:

— Четвертый, лови!

Это дед, стоя под карнизом, приготовился бросить Ван Ханьлиню позолоченный ключ.

Но в тот самый миг, когда ключ полетел в воздух, раздался сухой треск — под крышей отломилась и упала прозрачная сосулька.

Ван Ханьлинь вскинул голову, но было поздно. Ключ, описав дугу, угодил прямоком в медный котелок — любимую вещь покойного дяди, стоявшую на алтаре.

От восточной стены храма донесся резкий голос второй сестры:

— Третья невестка, расторопнее! Для подношения предкам нужно обвалить колобки в соевой муке трижды!

У Чжао Лицзюань, третьей невестки, дрогнула рука, и над столом поднялось облако золотистой муки.

Вторая невестка, Лю Шуфэнь, подхватила деревянный пест:

— Давай я, здесь нужно чувствовать силу, чтобы тесто было упругим.

Когда солнце добралось до карнизов храма, во дворе установили стол. Серебряный браслет бабушки зазвенел о фарфоровую тарелку:

— Ханьлинь, подай дяде порцию горчичной закуски.

Ван Ханьлинь открыл глиняный чан, и в воздух ударил острый аромат горчицы в сочетании со свежестью капусты — именно такую дядя при жизни мариновал каждый год в двенадцатом месяце. На дне чана до сих пор лежал осколок эмалированной кружки 1951 года.

Церемонию наследования назначили на четыре часа дня. Жара, несмотря на вечер, всё еще не отступала.

Третий брат, Ван Сюэлинь, твердо держал в руках толстую родословную книгу, но было заметно, как дрожат его пальцы. На кожаном переплете, отреставрированном в двадцать третьем году правления Гуансюя, чернила уже выцвели и расплылись.

Дед, сидевший в кресле, отложил медную трубку и кончиком её начертил на кирпичном полу ковш Большой Медведицы.

Раздался низкий, властный голос:

— На колени!

Все взгляды устремились на Ван Ханьлиня. Он опустился на пол, но вдруг произошло невероятное: соломенный коврик под его коленями с треском разошелся, словно его разорвала невидимая рука.

Из прорехи показалась серебряная пластинка-замок. Вещь была старинной, с отчетливой надписью Долголетия на сто лет — должно быть, дядя спрятал её здесь давным-давно.

— Прими чашу! — раздался голос отца, протянувшего Ван Ханьлиню изящную чайную пиалу.

Ханьлинь потянулся к ней, но, едва коснувшись, отдернул руку — пиала была обжигающе горячей.

Он взглянул на дно и увидел, что сквозь кипяток проступает написанный ярко-алой киноварью иероглиф Наследие.

В этот напряженный миг мать, стоявшая поодаль, разрыдалась. Недошитая подошва выпала из её рук и угодила прямоком в угольную жаровню.

Вверх потянулись струйки сизого дыма. Сквозь эту дымку всем вдруг почудилось, будто они видят, как дядя везет тачку с зерном, чтобы раздать его нуждающимся односельчанам...

Под звуки петард в час Петуха кухня наполнилась ароматами. Старшая невестка Ли Гуйлань вылавливала шумовкой жареные закуски, и капли масла брызнули на весенние куплеты, написанные вторым братом, Ван Ханьцяном — иероглиф Счастье на двери внезапно расцвел чернильной хризантемой.

Младшая сестра Ван Шуянь украдкой ухватила кусочек горячего желе, обжигая язык.

— Помогите здесь! — бабушка открыла крышку кастрюли, где булькал двадцатилетний рассол.

Муж третьей сестры, Чжан Цзяньцзюнь, захмелев, потянулся за дровами, но третья сестра ухватила его за ухо и вытащила из кухни:

— Забыл, как в прошлый раз сжег мясо для подношений?

В десять вечера в храме зажглись свечи. Ван Ханьлинь положил новые тканевые туфли перед табличкой дяди. В жаровне под алтарем вдруг вспыхнули искры, отец бросил в огонь полынью, и дым заструился под потолком, словно извивающийся дракон.

Во время праздничного ужина старший брат Ван Телинь тайком подложил жене в чашку кусочек тушеной свинины.

Вторая сестра Ван Шучжэнь ковыряла палочками в миске:

— Ого, кишки вымыты так чисто, что блестят не хуже браслета третьей невестки!

Третья невестка хотела было ответить, но стук дедовой трубки о край миски прервал её.

В полночь в пельменях нашлись три монеты эпохи Цяньлун, младшая сестра разгрызла одну до самого зеленого налета.

За пределами храма ночное небо, до того безмолвное, словно раскололось, и на землю густыми хлопьями повалил снег. Снежинки, подобно порхающим бабочкам, плавно опускались на землю.

Бабушка, шатаясь, подошла к Ван Ханьлиню и накинула ему на плечи старый, но очень теплый овчинный тулуп. На её морщинистом лице сияла добрая улыбка:

— Это тулуп твоего дяди. Он ведь так любил в такие снежные ночи развозить уголь нуждающимся.

Уголь в жаровне начал гаснуть, но в доме было тепло и уютно. Ван Ханьлинь нечаянно нащупал в кармане тулупа что-то объемное. Он вытащил предмет и изумился: это была старая медаль передовика производства!

Поверхность её была потерта, но надписи и узоры всё еще можно было разобрать. К булавке был привязан кусочек выцветшей красной нити, словно хранящий немую историю прошлого.

Из восточной комнаты донесся дробный стук счетов — третий брат подсчитывал годовые расходы. А из западной доносился звонкий смех второй невестки, которая учила племянницу вырезать узоры из бумаги.

Смех, шорох ножниц и стук счетов сплетались в дивную симфонию, превращая этот вечер в единое целое, наполненное теплом, радостью и счастьем.

Встреча Нового года

Грохот петард уходящий год провожает,

В кругу родных смех и беседы звучат.

В хижине скромной чаши с вином поднимают,

Свежие надписи на дверях ярко горят.

Внуки у ног за подарки ведут борьбу,

Мать открывает кувшин, разливая вино.

Ждем мы рассвет, что прогонит ночную тьму,

Вешний ветер несет нам тепло в окно.

<http://bllate.org/book/18479/1773178>